

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532

Научная статья

Философская лирика Эдуарда Мижита

Л.С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,
Российская Федерация, 667000, Кызыл, ул. Кочетова, д. 4
 lmizhit@mail.ru

Аннотация. В поэзии Эдуарда Мижита художественный способ познания и исследования мира и человеческой души базируется на взаимопроникновении литературно-философской, религиозно-мифологической мысли. Проводится комплексный литературоведческий анализ философской лирики поэта. Интерпретируются философские раздумья Мижита о смысле жизни, истине, свободе воли и предопределении. В настоящем исследовании проанализированы книга стихотворений в прозе Э. Мижита «Казыргылыг кудуктуң кыйгызы» («Зов взвихренного колодца», 2002), сборник стихотворений и поэм «Бөдүүн одуруглар» («Простые строки», 2006), сборник верлибров «Расколотый миг» (2011). На материале поэтических текстов автора мы пришли к выводу, что поэтику Э. Мижита отличают такие черты, как диалектичность, интертекстуальность, обращенность к национальным корням. Ключевой мотив поэтического универсума Э. Мижита — поиск истины, этот поиск надрационален, а потому структура художественного текста становится многослойной, требуя от читателя существенных гносеологических усилий. Главные вопросы, ставящиеся в анализируемых произведениях Мижита, в основном онтологического характера, они связаны со стремлением постичь смысл жизни. Эта тенденция является новаторской для современной тувинской поэзии, пока еще до конца не отошедшей от соцреалистической парадигмы.

Ключевые слова: тувинская литература, поэзия, мировоззрение, философская поэзия, смысл жизни, диалог, метафора, интерпретация

История статьи: поступила в редакцию 02.02.2022; принята к печати 16.06.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Мижит Л.С. Философская лирика Эдуарда Мижита // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 521–532. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532

© Мижит Л.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Philosophical Lyrics of Eduard Mizhit

L.S. Mizhit

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under
the Government of the Republic of Tuva,
4, Kochetov st., Kyzyl, 667000, Russian Federation
 lmizhit@mail.ru

Abstract. The novelty of the approach of the famous Tuvan poet Eduard Mizhit to cognition and research of the world and the human soul, based on the dialogue of literary-philosophical, religious-mythological thought, is considered. For the first time in literary studies of Tuva, an attempt is made to comprehend philosophical lyrics using modern methods of hermeneutic analysis. The task is to interpret Mizhit's philosophical reflections on the meaning of life, truth, free will and predestination. The present study analyzes the book of poems in prose by E. Mizhit "Kazyrgylyg kuduktung kyigyzy" ("The Call of the Whirling Well", 2002), the collection of poems and poems "Bödüün oduruglar" ("Simple Lines", 2006), the collection of free verse "The Broken Moment" (2011). Based on the material of the author's poetic texts, we came to the conclusion that the poetics of E. Mizhit are distinguished by such features as dialectic, intertextuality, appeal to national roots. The key motif of the poetic universe of E. Mizhit is the search for truth, this search is transrational, and therefore the structure of the literary text becomes multi-layered, requiring significant epistemological efforts from the reader. The main questions posed in the analyzed works of Mizhit are mainly of an ontological nature, they are connected with the desire to comprehend the meaning of life. This trend is innovative for modern Tuvan poetry, which has not yet completely departed from the socialist realist paradigm.

Key words: Tuvan literature, poetry, worldview, philosophical poetry, meaning of life, dialogue; metaphor, interpretation

Article history: received 02.02.2022; accepted 16.06.2022

Conflict of interests: none

For citation: Mizhit, L.S. 2022. "The Philosophical Lyrics of Eduard Mizhit". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (3), 521—532. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-3-521-532

Введение

Тувинская литература, как и все национальные литературы России, в советское время развивалась по канонам соцреализма. С конца 1990-х гг. писатели начали пересматривать идеологическую линию развития литературы, появились произведения, открывающие новый взгляд на мир и человека.

Тувинские поэты нового времени стали мыслить более масштабно, в русле мировой философии, литературы, религии, эстетической мысли, это выводит национальную поэзию на другое синтезное мышление, на другую плоскость, что соответствует утверждению о наднациональности художественного сознания [1. С. 17].

Произведения, отражающие новый взгляд на мир и человека, важны во все времена, а в наше время — особенно, так как XXI в. характеризуется рационализмом и кризисным мироощущением человека.

Теоретиками литературы прогнозируется формирование в XXI в. «общечеловеческой литературы» (Ю.Б. Боров), «произведения которой не утрачивают национальных особенностей и опоры на национальные традиции, но обретают качественно новый уровень всеобщности» [2]. И это потребует, как считает Ю.Б. Боров, новых дополнительных инструментов для своего истолкования и понимания. В данной статье анализируются новые поэтические мысли и образы, символы и метафоры в современной тувинской поэзии с применением герменевтического метода исследования как способа толкования скрытого (внутреннего) смысла текста.

Исследование базируется на методологических трудах М.М. Бахтина, Ю.Б. Борова, Г.-Г. Гадамера, В.В. Налимова, А. Камю, В.В. Заманской, Л.С. Дампиловой и др.

Обсуждение

В качестве примера нового уровня миропонимания и мироощущения в тувинской литературе нами рассматривается художественное мышление тувинского поэта Эдуарда Мижита, в своих произведениях ставящего философские вопросы о смысле жизни, месте человека в жизни, внутреннем мире человека, об истине, жизненном пути, судьбе и т.д. Определяются поэтические искания Э. Мижита в контексте русской литературы и философии, а также метафизические аспекты в его произведениях в русле мировой философской и религиозной мысли.

Вызывают интерес книга стихотворений в прозе Э. Мижита «Казыргылыг кудуктуң кыйгызы» («Зов взвихренного колодца», 2002), сборник стихотворений и поэм «Бедүүн одуруглар» («Простые строки», 2006), сборник верлибров «Расколотый миг» (2011), отличающиеся глубоким проникновением в необычный, сложный поэтический мир, мир непростых мыслей поэта, наполненных болью сердца, призывом к свободе и многообразием путей поиска истины. Расшифровка значения его оригинальных образов и символов требует от читателя определенных интеллектуальных усилий. А эти усилия могут увенчаться пробуждением в душе читателя высоких и чистых помыслов, чувства внутренней свободы и т.д.

Главные вопросы, ставящиеся в анализируемых произведениях Мижита, в основном онтологического характера, они связаны со стремлением постичь смысл жизни.

Выделим вопросы, которые поэт ставит в стихотворении «Не названьем, а сутью своей»:

Что такое весь этот окружающий мир?

Что такое время, текущее безостановочно?

Что такое в действительности жизнь?

Что же это — не названьем, а подлинной сутью своей?

Что такое звездное небо и вселенная?
Что такое человек на белом свете?
Что такое судьба и личная воля людей?
Приговор ли это неотменимый или что-то другое?

Что такое ум и душа?
Почему мы не можем найти кончик-начало нити?
И вселенная, и время, и жизнь
Почему не по-другому, а именно так устроены?¹
[3. С. 45]

Это первостепенные вопросы, которые диктуют, какими будут ответы на все другие вопросы. Если считать, что вселенная и жизнь сотворены Всевышним, то надо признать, что законы и правила общества и государства, а также вопросы этики должны подчиняться истине и высшему закону. Тогда все будет иметь смысл. А если считать, что все это не является результатом творения, а результатом самопроизвольного развития, то надо признать, что законы жизни общества и человека являются следствием простого общественного договора (по Томасу Гоббсу и др.). Если так, то всякий сильнейший может установить свои законы, потому что, согласно логике, все предыдущие законы установлены не высшим разумом, а придуманы людьми. В таком случае не становится ли все бессмысленным?..

«Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии», — пишет А. Камю в своем философском эссе «Миф о Сизифе» [4. С. 223]. Многие великие писатели и философы, такие как Ф.М. Достоевский, Ф. Кафка, В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, А.Ф. Кони, А. Камю, Ф. Ницше и др., искали ответы на вопросы такой направленности. Как считает исследователь экзистенциальной философии в русской литературе В.В. Заманская, в XX в. — веке экзистенциализма — философия начала выражать себя через художественную литературу [1. С. 40].

Из истории человечества мы знаем, что, когда человек и общество, прежде чем найти ответы на основополагающие вопросы философии, начинают ставить вопросы социального характера, неизбежно возникают «опасные» ответы и решения. Мижит говорит об этом:

... Когда, не познав этого, прежде всего
Начинают спрашивать «Кто виноват?» и «Что делать?»,
Естественно, тут же меч оказывается под рукой,
И начинается опустошительная война.
(«Не названьем, а сутью своей») [3]

Поэт говорит о том, что ответы на главные вопросы человек сам должен искать. Очень опасно, когда человек без всяких вопросов, безоговорочно приняв какое-либо учение, считает, что только оно самое верное и делает его жизненным руководством. Наряду с этим он размышляет и об ответственности мыслителя, который в неумной жажде познания (особенно в естественно-научном плане) способен подвергнуть опасности сам предмет познания. Об этом стихотворение Мижита «Хрупкая мысль»:

---

¹ Здесь и далее подстрочные переводы с тувинского осуществлены автором статьи.

Стремясь познать до самой сердцевины
Смысл и корень вселенной и жизни,
Бабочку жизни я невзначай, между делом
Вдребезги чуть не разбил и не сжег [3].

Лирический герой, обуреваемый жаждой познания жизни, где весь мыслительный и вербальный аппарат метафорически приобретает форму молота и наковальни, чуть не убивает бабочку, т.е. саму жизнь. Самый простой пример — исследования микромира (элементарных частиц) привели к созданию атомной бомбы.

В стихотворениях Мижита объектом исследования являются главные вопросы философии, а субъектом — человек, задающий себе эти вопросы и думающий над ними:

«Все-таки, в действительности, что такое я сам?» — спрашиваю я,
Лишь только себе не давая покоя,
Снова и снова думаю, до конца проверяя себя,
Словно стал я кротом, копающимся в земле,
Вовнутрь себя самого проникая в поисках ответа,
Я в душе своей глубже и глубже копаюсь.
(«Вопрос») [3]

В результате анализа данного стихотворения выясняется, что человек, ищущий ответы на вопросы, сам очень сложен и состоит из множества феноменов:

Если посчитать, разложив и пристально вглядываясь,
Оказывается, даже я один, хоть и крохотен, но становясь вселенной,
Все-все в синем небе и на черной земле,
Все, что видно и невидимо людям,
Я в себе — в своем теле, разуме и душе —
Ношу с собой, вплетая в себя и мертвым узлом завязав... [3]

Таким образом, поэт приводит нас к выводу о том, что Вселенная, как макрокосм, и человеческое существо, его сознание и душа, как микрокосм, находятся в тесной связи. Так не должны ли мы вначале исследовать самого человека для того, чтобы познать Вселенную и ее смысл? В связи с этим и мудрецы древности наставляли: «Познай себя — и познаешь весь мир». В индуизме и буддизме это тоже главный принцип самопознания человека. Призыв «Познай самого себя»¹ был и у древних греков. И. Кант считал самопознание началом человеческой мудрости.

Стихотворение в прозе «Оолчук болгаш дамыракчыгаш» («Мальчик и ручеек») [5. С. 7—9] — это результат размышлений поэта о свободе воли и предопределенности (вспомним труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»). Свобода воли — метафизическая проблема. Нам остается понять: предопределена ли судьбой жизнь человека, или она свободна. «Психологически насыщенный мир поэзии Мижита можно отнести к „открытым“ текстам, в которых читатель находит разные интертекстуальные коды» [6. С. 159].

---

¹ Надпись на храме Аполлона в Дельфах, изречение мудреца Хилона.

Поэма «Ынчалза-даа» («Но»)

Спор Мижита с классической философией с ее тягой к категориальному разграничению вещей и явлений бытия может натолкнуть на мысль о том, что он ярый приверженец экзистенциальной философии. Но и здесь он начинает свой спор с попытками установления окончательной «абсолютной» истины, учитывая, что «...диалог, полемика с предшественниками и современниками, авторефлексия художника — явление древнее, как сама поэзия» [7. С. 63]. Об этом споре со всеми и с самим собой говорит поэма «Ынчалза-даа» («Но») [3. С. 310—328]. Главный герой поэмы — мысль. Поэма построена по образу дерева: есть в ней и ствол, и ветки, и листья. Ствол дерева выражает основную тему, ветки — это самостоятельные, несогласные между собой стихи с эпиграфами из строк стволового стихотворения, а листья — спорящие друг с другом на эту же тему четверостишия. Следует отметить, что Мижит попытался собрать воедино и выразить в одном произведении все свои философские размышления. В данной поэме впервые в тувинской поэзии появилась такая сложная форма: мысли поэта неоднаправленны, звучат не в унисон друг с другом и приходят не к одному и тому же выводу, а все время спорят друг с другом. Когда одна мысль поэмы выражена, другая мысль со словом (союзом) «но» подвергает ее сомнению, а третья мысль также с союзом «но» сопротивляется диктату и первой, и второй мысли. Такой способ мышления, по В.В. Налимову, приводит к «непрекращающемуся диалогу, порождаемому многообразием вариантов вероятностно задаваемых расщепленностей — это одна из семантических особенностей человека» [8. С. 185]. Здесь имеет место, как говорил М.М. Бахтин, «диалогическая природа сознания, диалогическая природа самой человеческой жизни» [9. С. 318] и «интертекстуальный» диалог (Ю. Кристева, Р. Барт).

Используя такой способ поэтического выражения мыслей и идей, Мижит призывает читателей не ограничиваться только одной мыслью, одной идеей, одним выводом.

Каждое событие поэмы — это очередной поворот философской, религиозной и эстетической мысли о смысле человеческой жизни, смысле истории, сути бытия, возможности и невозможности постижения всего этого. И тем самым идеи данной поэмы по философским, религиозным мотивам являются очередным возвращением изначальных мыслей:

Но старательно, в меру своих сил,
Изучая их и разбирая, я должен признать,
Что не нашлось ни одного мудреца на свете,
Кто указал бы на Истину без сомнений и споров [3].

По мнению Мижита, главное не в том, что человек усваивает какое-либо философское учение и делает его руководством своей жизни, а в том, что, постоянно глубоко размышляя, находит основной смысл своего существования. Изучив все философские системы и учения, поэт пришел к выводу, что и в них мало того, на что человек может опереться в реальной жизни. Данные строки относятся

также к вопросу о нашей возможности и невозможности понять жизнь до самых корневых основ:

Неужели все мы вот так вот,
В круге, не имеющем ни начала, ни конца,
В этом бесконечном и бессмысленном кольце
Кружимся, кружимся и кружимся?

Если так, то звуки такого огромного мира
Без истинного и высшего смысла —
Не бренькание ли несуразное,
Подобное звону струн ненастроенного чадагана¹? [3]

По Гадамеру, «повсюду, где мир испытывается нами, где происходит преодоление чуждости, где совершается усвоение, усмотрение, постижение, где устраняется незнание и незнакомство, повсюду совершается герменевтический процесс собирания мира в слово и в общее сознание» [10. С. 14]. Именно после пристального всматривания в мир и жизнь, глубокого проникновения во все, в душе и мыслях поэта рождается множество разных вопросов:

...На протяжении тысяч и тысяч лет безостановочно
Ветер Времени, что кружится, завихряясь,
Жизни миллионов людей и их судьбы
Кружит в воздухе, словно мусор.

И как зерно, как пищу для каменных жерновов,
К чему он бросает их жизни, к чему?
Неужели жизни людей, их умы и души
Напрасно исчезнут и в пыль превратятся — и всё?!..

Столько мыслей, столько мечтаний, столько смертей
Неужели не имеют хоть крохотного результата?
Ведь должно же все иметь свой смысл...
Отчего же весь этот мир так безжалостен? [3]

В этих строках поэта явно слышны отголоски и кьеркегоровской «тревоги», и хайдеггеровской «заброшенности». Также явно видно, что в его поисках истины выражена обеспокоенность отсутствием бога, которое декларировала современная философия. Но в других строках выражается его неверие в какие-либо религиозные догмы. Таким образом, он осознанно противоречит самому себе, выявляя противоречивость и неопределенность всех суждений.

Как отметила Л.С. Дампилова, «в философских размышлениях Эдуарда Мижита поэтика неопределенности становится универсальным началом его поисков смысла бытия» [6. С. 158]. Для поэта поиск смысла бытия имеет значение не для выявления какой-то определенной, пусть наивысшей, системы философского

---

¹ Чадаган — тувинский музыкальный струнный инструмент.

учения, а для того, чтобы найти такой образ мышления, чувствования и понимания мира, который давал бы человеку опору, которую он так жаждет:

Мне кажется, что, найдя корень всего
И произнеся его сокровенное священное слово,
Можно искоренить страдание во вселенной,
Можно перевернуть и обновить этот мир.

А если изменить правила Вселенной
Нет сил, то хотя бы найдя ее смысл,
Поднять бы его высоко во всем блеске и этим
Раны страдальцев залечить бы и слезы их утереть [3].

Но этот путь — путь мысли — непрост. Только настоящая мысль, не принимая никакого учения без вопросов, на веру, все время задает вопросы, на которые то или иное учение не может ответить:

С нравом, как у малых детей, что непрестанно
Беспокойно задают и задают вопросы:
«А что за этим?», «Что дальше?», «Что будет потом?»,
Кто же создал меня, к чему это и кому это нужно? [3]

Споря с собой, поэт приходит к выводу, что «путь мысли — это борьба внутри самого человека»:

Когда, ищущая лекарство Истины с ее Добром и Высшей красотой,
Надежда моя направляет мою волю и мысль,
Мне, бедняге, раненному на войне, что идет внутри меня самого,
Кажется, что я все же иду вперед и вперед... Но...

Сердце мое и разум, синее небо и черную землю
Не в силах свести и пришить их друг к другу,
Гнушаяся беспомощно и запутывающаяся,
Мысли моей нить не имеет Иголку веры [3].

Как в древнегреческом мифе о Сизифе, когда камень мысли лирического героя скатывается вниз, он снова и снова катит его на гору. Человек, ищущий главный смысл, похож на Сизифа. Отлично понимая, каким будет результат его поисков, поэт находится в постоянном покое:

Да, в самом деле, на то, что разгадаю загадку твою,
Нет у меня надежды, я понимаю тоже.
Твои стрелы, что пронзят мое ищущее сердце,
Все равно меня опередят, я не спорю.

Но раз уж родился я человеком
И имею хоть чуть-чуть мыслящую голову,
Пред твоими вратами, к которым нет ключа,
Не желаю, сдавшись, безмолвно лежать [3].

Хоть и выражена мысль поэта о том, что человеку для того, чтобы найти и познать истину, потребуется вера, он сам, не принимая безоговорочно религиозные

учения, которым на протяжении не одной тысячи лет верили и верят миллионы людей, то соглашается с ними, то и им задает вопросы. Ведь, по мнению М.М. Бахтина, «единственно адекватной формой словесного выражения подлинной человеческой жизни является незавершимый диалог» [9. С. 318].

В огромном светлом мире людей
Сотворившая его чудесная сила,
Закрыв на замок смысл жизни,
За пазухой прячет и прячет ключи.

Как бы ни был прекрасен, но без смысла,
С жизнью с ее удивительным счастьем,
Мирозданье твое безграничное и светлое
Кажется темной и тесной тюрьмою [3].

А в следующих строках поэт сам опровергает и эту свою позицию:

Тебя одарили жизнью на этой земле
Что же ты называешь этот мир безжалостным?! [3]

Автор, противопоставляя своему же «восстанию» свою мысль, выраженную в вышеприведенных строках, не прекращает поиски истины:

Да, именно так, стучаться в твои ворота,
Да, именно так, пока жив, не прекращу,
Хоть и шумных, беспокойных бунтарских,
Моих мыслей шило не согнется...

Не скрою, этот мир таков, что хочется жить и жить,
Таким прекрасным он сотворен!.. Но
Если не будет в нем Высшего смысла, то, возможно,
Я скажу: «Забери мою жизнь обратно!»... Но... [3]

Поэт задается вопросом: «То, что человек безостановочно думает и думает, не главный ли смысл его жизни на свете?» По мнению Б. Паскаля, «мы бессильны что-либо доказать, и перед этим бессилием отступает самый завзятый догматизм» [11. С. 176], вместе с тем: «Величие человека — в его способности мыслить» [11. С. 169].

Так или иначе, автор уподобляется героям Франца Кафки. Он задается бесконечными вопросами также, как и Йозеф К. в «Процессе», пытающийся построить линию защиты, даже не зная, в чем его обвиняют. Он стремится проникнуть в смысл бытия, как и землемер К. в «Замке» пытается проникнуть в Замок и приступить к исполнению своих обязанностей.

Лирический герой Мижита, «терпящий страдания поисков», не ставит точку в завершении произведения с такими сложными мыслями, а снова приглашает читателя «к далекой тайне», «к давно покинутой родине», т.е. к Началу всего позабытого:

Словно «девять пыток», что истязают всего меня,
Дерево мыслей моих, что идут по девяти сторонам,
Не имеет корней, вот это и страшно... Но

В тайном месте, в дальних далях все равно они, наверное, есть.
Изливая свою бесконечную речь, своих мыслей
Корни я пытался найти — в этом моя загадка.
В Матери-Земле ли, в душе ли, в Синем ли Небе,
Где же, в конце концов, находятся эти корни?
Или в Высшем мире, что зовется Белым Небом,
Что три мира видит насквозь, находятся они?
Вот и она — Истинная Сердцевина вопросов...
Но пока ответы так и не нашлись...

Но время от времени кажется мне,
Что плачущий ум и рыдающая душа,
Тайно тоскуя по давно покинутой родине,
Все время хотят вернуться домой... Но... [3]

Так заканчивается поэма «Но», которая является не поэтическим переложением философских текстов, а поиском истины «с плачущим умом и рыдающей душой». Не зря автор выбрал одним из эпиграфов к данной книге [3] следующие слова Паскаля: «Я с тем, кто, тяжко стеноя, пытается обрести истину» [11. С. 180].

«Огоньки познания»

Произведения с еще более углубляющимися кругами и слоями смыслов мы можем найти в книге Мижита «Туман өттүр отчугаштар» («Огоньки сквозь туман») [12]. В одноименном цикле стихотворений на первый взгляд говорится о вполне понятных, реалистических вещах, таких, как воспоминания, печаль, светлая мечта человека, тоскующего по родине, радость от того, что перед его глазами появляются «огоньки» родного села:

Словно в детстве своем,
возвращаясь в свое село,
мерцающие, то исчезая, то снова показываясь,
крохотные огоньки —
теплый свет родной земли я увидел...
Ничего,
вот теперь-то уж ничего, все хорошо... [12. С. 33]

Но это верхний слой структуры произведения. А если мы войдем в более глубокие слои, то выявляются философские взгляды поэта. По Платону, познание жизни есть, пусть и смутное, припоминание [13. С. 263]. Крохотные огоньки у Мижита — это огоньки познания. А почему лирический герой все время хочет домой, стремится вернуться туда? Возвращение означает спасение своей души. А спасение в том, чтобы вернуться домой — вернуться к Богу. По мысли А. Камю, человек тоскует по Высшему Разуму и стремится к нему: «Ностальгия по Единому, стремление к Абсолюту выражают сущность человеческой драмы» [4. С. 32].

Поэт все время размышляет, мучаясь и томясь в безвыходности, осознавая, что нет одного-единственного ответа на самые главные вопросы. Таким образом, чем многовариантнее, противоречивее и многозначнее мысли, тем полнее может быть ответ. Истинная мысль не может иметь только одно направление, не может

двигаться лишь по одной линии. В противном случае стихи становятся назиданием и пропагандой. Поэтому Мижит, не давая ни одного определенного ответа в своих произведениях, многократно используя слова «наверно», «возможно», «может быть», приглашает читателя к размышлению, как заключил М.М. Бахтин, «слово хочет быть услышанным, понятым, отвеченным и снова отвечать на ответ, и так ad infinitum. Оно вступает в диалог, который не имеет смыслового конца» [9. С. 306].

Ни в одном его произведении образы не повторяются, каждое его стихотворение — новая попытка, новое испытание, новое открытие. Только экзистенциальные вопросы, являясь глубинным течением, находятся в их сердцевине [14. С. 60]. Каждое стихотворение ищет подлинную суть человека, его жизни. Философские стихи Мижита, на наш взгляд, могут открыть перед читателями новые просторы миропонимания, связи человека с миром и т.д.

Заключение

Экзистенциальные размышления Эдуарда Мижита вносят в художественную литературу онтологические вопросы, поднимают познание внутреннего мира человека на новую ступень, на метафизическую ступень бытия. Его поэзия не стихотворное переложение извечных общепризнанных житейских истин, а поэзия сомнений, противоречий в интеллектуальном и духовном мире самого мыслящего, поэзия мучительного поиска. Она призывает читателя не к догматичному, а к свободному и независимому мышлению.

Современная тувинская литература обогатилась произведениями, характеризующимися новым мироощущением и новым взглядом на внутренний мир человека.

Список литературы

1. *Заманская В.В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX в. Диалоги на границах столетий: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2002.
2. *Борев Ю.Б.* Глобализация и культура // Академические тетради. Вып. 15. М.: Независимая акад. эстетики и свободных искусств, 2013. URL: <https://independent-academy.net/science/tetrad/15...> (дата обращения: 03.12.2021).
3. *Мижит Э.Б.* Бөдүүн одуруглар: шүлүктөр болгаш шүлүглелдер [Простые строки: Стихотворения и поэмы]. Кызыл : Тувин. кн. изд-во, 2006. (На тув. яз.).
4. *Камю Альбер.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
5. *Мижит Э.Б.* Казыргылыг кудуктуң кыйгызы: проза-шүлүктөр [Зов взвихренного колодца: Стихотворения в прозе]. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2002. (На тув. яз.).
6. *Дампилова Л.С.* Мотив двойничества в поэзии Эдуарда Мижита // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 158—163.
7. *Головчинер В.Е., Хербер А.В.* «Я знаю силу слов», или Метапоэтика стихотворения В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (к 125-летию со дня рождения поэта) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 62—77.
8. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
9. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.

10. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
11. Паскаль Блез. Мысли. М.: Художественная литература, 1974.
12. Мижит Э.Б. Туман өттүр отчугаштар: шүлүктөр [Огоньки сквозь туман: Стихи]. Кызыл: Тываполиграф, 2008. (На тув. яз.).
13. Платон. Диалоги. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
14. Мижит Л.С. Тыва шүлүк чогаалының делегейинде [Мир тувинской поэзии]. Кызыл: Тываполиграф, 2015. (На тув. яз.).

References

1. Zamanskaia, V.V. 2002. Ekzistsentsial'naia traditsiia v russkoi literature XX v. Dialogi na granitsakh stoletii. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 302 p. Print. (In Russ.).
2. Borev, Iu.B. 2013. Globalizatsiia i kul'tura. In: *Akademicheskie tetrad*. Iss. 15. Moscow, The independent Academy for aesthetics and free arts. Web. URL: <https://independent-academy.net/science/tetrad/15...> (access date: 03.12.2021). (In Russ.).
3. Mizhit, E.B. 2006. *Bödiün oduruglar: shülükter bolgash shülüglelder [Simple lines: poems and poems]*. Kyzyl, Tuv. book publ. (In Tuv.).
4. Camus, A. 1990. *Buntuiushchii chelovek. Filosofii. Politika. Iskusstvo*. Translated from the French. Moscow: Politizdat publ. (In Russ.).
5. Mizhit, E.B. 2002. *Kazyrgylyg kuduktung kyigyzy: proza-shülükter [The Call of the Swirling Well: Poems in Prose]*. Kyzyl: Tuv. book publ. (In Tuv.).
6. Dampilova, L.S. 2014. “The duality motif in the poetry of Eduard Mizhit”. *Siberian Journal of Philology* 3: 158—163. Print. (In Russ.).
7. Golovchiner, V.E., Kherber A.V. 2018. “Ya znaiu silu slov”, ili Metapoetika stikhotvoreniia V. Maiakovskogo “Prikaz po armii iskusstva” (to the 125th anniversary of the poet’s birth). *Siberian Journal of Philology* 4: 62—77. Print. (In Russ.).
8. Nalimov, V.V. 1989. *Spontannost' soznaniia: Veroiatnostnaia teoriia smyslov i smyslovaia arkhitektonika lichnosti*. Moscow: Prometheus publ. Print. (In Russ.).
9. Bakhtin, M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. Comp. by S.G. Bocharov. Moscow: Art publ. Print. (In Russ.).
10. Gadamer, G.-G. 1991. *Aktual'nost' prekrasnogo [Relevance of the beautiful]*. Moscow: Art. Print. (In Russ.).
11. Pascal, B. 1974. *Mysli [Thoughts]*. Volume 42. Moscow: publishing house Fiction. Print. (In Russ.).
12. Mizhit, E.B. 2008. *Tuman öttür otchugashtar: shülükter [Lights through the fog: Poems]*. Kyzyl: Tyvapoligraf publ. Print. (In Tuv.).
13. Plato. 1998. *Dialogi [Dialogues]*. Rostov-on-Don: Publ. house Phoenix. Print. (In Russ.).
14. Mizhit, L.S. 2015. *Tyva shülük chogaalynyng delegeiinde [World of Tuvan poetry]*. Kyzyl: Tyvapoligraf publ. (In Tuv.).

Сведения об авторе:

Мижит Людмила Салчаковна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела культурологии и религиоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. E-mail: lmizhit@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1991-0517

Bio Note:

Lyudmila Salchakovna Mizhit is a Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Cultural and Religious Studies, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. E-mail: lmizhit@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1991-0517